

А. КРИНИЧНАЯ

«В ГЛУШИ ДАЛЕКОЙ ЖИВУТ СЕДЫЕ КОЛДУНЫ...»

В цикле традиционных рассказов о людях, обладающих тайным знанием, заметна тенденция к «очуждению» (по терминологии Б. Брехта¹) этих персонажей. Это осуществляется за счет определенных характеристик ведунов (ведьм, колдунов, знахарей), главным образом пространственных, отчасти скрытых этническими, профессиональными и др. Благодаря этим качествам, ведуны и выпадают из того или иного социума, который при всем различии в своих масштабах неизменно осмысливается как целостная общность.

Прежде всего, в ранге колдуна очень часто выступает человек, находящийся за чертой данного микромира других героев нарратива, хотя и живущий в непосредственной близости от них. Имеется в виду сосед или соседка: «В соседях жил у него чертистый мужик»²; «Соседка у нас была, так она колдовала»³. Подобные персонажи часто характеризуются эпитетами «знаткая», «зловредная» и др.

В целом в быличках есть своя топографическая иерархия: центральным всякий раз оказывается дом рассказчика. А вот локус ведуна обнаруживает тенденцию к своему ступенчатому расширению. Он может находиться не только за межой или оградой двора, но и на другом конце селения или же на его границе — на стыке освоенного и первозданного, культурного и природного: «В одной деревне одна бабка жила, она такая старая. Дом у нее стоял дальше от других, ниже от деревни. Говорили люди, что ведьма»⁴; «...где-то там в верхах один бесистый есть. Портит тоже людей-то»⁵.

Следующую ступень очужденного пространства представляют собой иные, подчас отдаленные местности, обозначенные теми или иными реальными топонимами, но населенные всевозможными ведунами. Так, например, в одном из мифологических рассказов женщина выражает опасение, как бы не испортили ее сына, уехавшего в Карпогоры, поскольку, по ее словам, там «люди знатки»⁶, а побывавшая в Старой Руссе женщина вернулась оттуда совершенно больной, и только, по ее убеждению, потому, что некая тамошняя жительница, ехавшая с нею в автобусе, прямо в глаза ей «что-то и сказала»⁷. Неудивительно, что в любой локальной традиции магическая сила приписывается переселенцам из другой местности. Вспомним в связи с этим, что по всему Русскому Северу славились своим чародейством пастухи-ваганы, т.е. жители побережий Ваги, притока Северной

Двины. Можно себе представить, каким носителем тайных знаний в глазах человека традиционной культуры выглядел странник, ассоциировавшийся со множеством преодоленных им локусов, реальных и мифических, и границ между ними. В качестве странника может быть представлен старик, нищий, богомолец, святой и даже сам Господь, равно как и оказавшийся едва ли не тождественным им функционально простой прохожий и — наиболее часто — солдат. По слову странника, озеро зарастает «мохом-травою»; река, дойдя до деревни, исчезает под землей, вновь появляясь на поверхности за пределами селения; змеи пропадают бесследно в конкретной местности. Старики-страницы, noctующие в амбаре, поскольку в доме для них не нашлось места, оказываются предназначателями судьбы родившегося у хозяев младенца. Попросившийся на ночлег солдат нейтрализует происки ведьм и даже летает вслед за ними на шашлык.

«Очуждение» ведьм, колдунов, знахарей достигается и за счет этнической атрибуции, что, по сути, служит проявлением той же пространственной оппозиции. Приведем примеры. Согласно поверьям жителей Кенозера, колдуны — это прежде всего чудь, населяющая верховья р. Ояти (в данном случае имеются в виду, разумеется, вепсы), причем особой известностью в этом отношении почему-то пользуются деревни Шеменичи и Юковичи. Аналогичное поверье привел более 150 лет тому назад И.М. Снегирев: новгородцы нередко ходили за предсказаниями к чудским кудесникам. Подобный акт зафиксирован в Лаврентьевской летописи под 1071 г.: «...приключился некоему новгородцу прити в чюдь и приде г кудеснику хотя волхванья от него, он же по обычаю

своему нача призывать бесы в храмину свою»⁸. Скандинавы же, по словам И.М. Снегирева, почитали в качестве колдунов и чародеев финнов, а их землю считали страной чудес и превращений, причем само слово «финн» в средние века означало то же, что «колдун». Это суждение фактически подтверждает и А.С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила», где «природный финн» так сообщает герою об источнике своего чародейства:

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глухи далекой
Живут седые колдуны.

В различных русских локальных традициях ведуны могут иметь разную этническую принадлежность, причем, как правило, указывается на их принадлежность к народам, населяющим ближайшую территорию, т.е. соседям. Например, в восточносибирской мифологической прозе в качестве колдуна нередко фигурирует бурят, в южнорусской — татарин, в западнорусской — немец, в общерусской — цыган. Подобные факты зафиксированы в документальных источниках: «Видел я у стрелецкого брата у Ромашки у Волдыря бабу татарку, ворожейку, и я де у ней ворожился»⁹. В одной из бывальшин цыганка, которой хозяева не захотели отдать понравившуюся ей голубую шаль, в отместку напустила полную избу лягушек, однако сразу же «убрала» их всех до одной, как только ей пригрозили милицией. В другом же случае цыганка избавила женщину от происков соседок, двух сестер-колдуний, мучающих по ночам ее скот, дав этой хозяйке «коренечек» одолень-травы. Или такой пример: больной бабе, не встававшей с постели уже три

Прибытие колдуна в деревню («Живописная Россия». СПб., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 541)

Е. Соколов. «Колдун». Россия, нач. XX в. Хромолитография. 14x9,1. Из серии в 5 открыток «Сказочные типы»

года, привезли большие возы лекарственных трав немцы; женщина выздоровела и сама стала знахаркой. О приписывании чародейских свойств иным этносам, чаще всего соседствующим, мы уже писали при рассмотрении преданий о чуди¹⁰. По нашим полевым наблюдениям, и поныне в среде карелов распространены поверья, что севернее их деревни живут *lappi* «лопари», т.е. саамы, обладающие колдовским искусством. Причем всякий раз в селениях Южной, Средней и Северной Карелии рассказчики связывают эти представления с карелами, живущими в более северных местностях. И так вплоть до действительно саамских поселений.

Этот же «стимулятор» сюжетного повествования обнаруживает себя и в закреплении репутации колдунов за людьми определенных профессий и рода занятий. Имеются в виду прежде всего люди, живущие в деревне, но, в отличие от всего социума, не занимающиеся земледельческим трудом или же занимающиеся не только им и как бы выпадающие за пределы данного микроколлектива. Среди «остраненных» и «очужденных» нередко оказываются в мифологических рассказах плотники и печники. Как повествуется в одной из бывальщин, плотники, не получившие от хозяев положенного угощения, насыли в избу множество мышей, которые высекакивали одна за другой, с каждым разом увеличиваясь в размерах, и уже стали выбегать ростом «в сытую кошку». В другом же доме они «насадили» кикимору, которая никому не давала покоя. Как только хозяева садились за стол, так тотчас же раздавался чей-то голос: «Убирайся-ка ты из-за стола-то!»¹¹ Такая же слава закре-

пилась и за печниками. Если хозяин им не угодит, то сложенная печь, как только ее затопят, начнет стонать.

Ведунами в быличках осмысляются и охотники, и пастухи, и коновалы: по роду их деятельности (профессиональной необходимости) им приходится постоянно пересекать пространственные границы «к военного» и «неосвоенного» миров и поэтому необходимо покровительство потусторонних сил¹². В результате, по словам рассказчиков, охотник «на чертей научился»; пастух, «знаткий человек», с бесом знакомился; коновал по ветру «слова пускал».

Ведунами считают и людей, чья хозяйственная деятельность связана с водной стихией — универсальной границей между мирами, а следовательно, по рассказам и поверьям, и с ее духом-хозяином. Это рыбаки, мельники, паромщики. Согласно быличкам и бывальщинам, мельник «знал чертей (вар.: сатану. — Н.К.) да кого ишшишо»¹³. В одной из быличек некая женщина, не спросив разрешения у паромщика, отвязала от причала паром и переехала вместе с лошадью на другую сторону реки. Сойдя на берег, ее лошадь несколько раз доходила до одного и того же места, а потом пятилась (двигалась «наперед пятками») до самой воды. Так было до тех пор, пока эта женщина не повинилась и не угостила паромщика шаньгами. Репутацией колдуна среди односельчан пользовался и пасечник, который, по поверьям, успехом в пчеловодстве был также обязан водяному. По рассказам, один из пасечников похвастался: «Все пчелы придут ко мне! Всех переманю! Супротив меня никто не устоит»¹⁴.

Ведуном же, связанным с другой природной стихией — с огнем, обычно выступает кузнец, который в сказке перековывает старого на молодого, кует брачные узы или судьбу людям в заговорах и песнях, играет роль «знающего» человека в мифологических рассказах.

Аналогичную семантику имеют и персонажи, занимающиеся рукоделием: портные, сетевязы, пряхи, вышивальщицы. В качестве примера приведем бывальшину из Ярославской губ. Пошехонскому швецу, «ведомому знахарю», удалось снять напущенное плотниками колдовство: каждый раз по наступлении вечера некто невидимый начинал плакаться на повети жалобным голосом: «падаю, падаю — упаду». Хозяева придут — никого нет. Выйдя туда ночью и прошептав «свое слово», «какое знал», портной крикнул: «Коли хочешь валиться, то падай на хлеб!» После этого нечто со страшным треском упало — и в избе больше не «диковалось»¹⁵.

В качестве ведунов осмысляются и все возможные распорядители семейно-родовых обрядов: родильных, свадебных, похоронных. Это бабка-повитуха, сват, сваха, причитальщица, или плакальщица, волниница. К персонажам, имеющим магическую и даже, можно сказать, судьбо-

носную силу, причисляется и дру. «Кто из дружек покрепче знал, чтоб над свадьбой не пошутили, того больше и приглашали»; «Я вот хорошо с мужем прожила, потому что дружка хороший на свадьбе был»¹⁶.

«Эффект очуждения» присутствует и в мифологических рассказах, где в качестве ведуна представлен человек, имеющий то или иное увечье: хромой, безногий, безрукий, горбатый, слепой, глухонемой, малумный, невменяемый. Приведем примеры: «Один инвалид был, без руки с войны пришел. Говорят, что он знался»; «А был слепой мужик, который поправлял (людей и скот. — Н.К.)»; «Манька у нас, переданы ей от батьки черти. Она глухонема была, говорит, говорит, ничего не понять, все махается»¹⁷. В подобного рода увечьях проявляют себя силы хаоса, делающие границу между мирами, «тем» и «этим», взаимопроницаемой. Вот почему увечные осмысляются в качестве медиаторов между определенным социумом и миром потусторонних сил, дающих тайное знание.

Примечания

¹ О сущности «эффекта очуждения» см.: Брехт Б. О театре. Сб. статей. М., 1960. С. 158, 229.

² Былички и бывальщины / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991. С. 280.

³ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996. С. 92.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Былички и бывальщины. С. 289.

⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С. 93.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. I. С. 179.

⁹ Акты Московского государства, изданные Академией наук: В 3-х тт. / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. I. С. 304.

¹⁰ Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 77—97.

¹¹ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 188.

¹² См.: Криничная Н.А. Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: Материалы симпозиума. Сентябрь 1993 года. Петрозаводск, 1993. С. 112—117; ее же. Леший и пастух (по материалам севернорусских мифологических рассказов, поверьй и обрядов) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 154—181, 189—190.

¹³ Былички и бывальщины. С. 198.

¹⁴ Виноградов Н. Описание пчеловодства Семиловского прихода Шишкинской волости Костромского уезда // Материалы по описанию пчеловодства Костромской губернии. Кострома, 1904. Вып. 2. С. 77.

¹⁵ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 188—189.

¹⁶ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев Новосибирск, 1987. С. 209, 210.

¹⁷ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С. 90, 76, 85.